

Ю. Б. Симченко. *Тамги народов Сибири XVII века*, М., 1965.

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая выпустил книгу Ю. Б. Симченко «Тамги народов Сибири XVII века». Это интересная работа, основанная на архивных документах.

Работа состоит из введения и 17 разделов. В ней имеются 124 таблицы, 3 карты, приложение из 7 таблиц и список использованной литературы.

Автор собрал обширный материал по тамгам, скрупулезно изучив фонды ЦГАДА. Кроме того, им были привлечены материалы рукописных отделов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и целого ряда других учреждений.

Автор поставил перед собой задачу подбора, систематизации и исследования тамг народов Сибири, установления закономерностей употребления и развития тамг, определения на основе их анализа родового состава, типов общности, уровня общественных отношений, миграций населения, его этнической принадлежности. И надо отметить, что в большинстве случаев автор справился с этими задачами.

Помимо архивных материалов, автор использовал обширную литературу как по общему вопросу, так и специально посвященную тамгам народов Евразии. Введения и отдельные разделы работы содержат интересный критический обзор этой литературы. Большое влияние на работу Ю. Б. Симченко оказал труд Б. О. Долгих ' «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке». Собственно без этой книги работа Ю. Б. Симченко была бы значительно усложнена. Автор «Тамг» во многом следует за Б. О. Долгих как в построении своей книги, особенно в части, касающейся Западной Сибири (по уездам или группам уездов), так и в ряде общих и частных выводов (стр. 44, 50, 52, 59, 120, 133 и др.). В общем разделе, посвященном знаменам обских угров, автор привлек выводы из работ В. Н. Чернецова², касающихся идеологии и общественных отношений обских угров.

Все тамги или знамена народов Сибири систематизированы в четыре группы — родовые, личные, должностные и сакральные. Родовые тамги — это самые древние, они изображали тотем. Родовые тамги особенно характерны для хантов Сургутского уезда, вогулов Табаринской волости, хантов и манси Березовского уезда. Личные тамги нередко возникали на основе родовых, использовались они для обозначения личной собственности. Они были известны у всех народов Сибири и очень широко распространены. Личные знамена употреблялись для удостоверения личности, обозначения маршрутов, вместо подписи, для различных внутриродовых актов (обско-угорские рубцы и порезы, охотничьи затесы у ряда народов, юкагирские «тосы» и т. п.).

АВТОР выделяет, правда не всегда четко (стр. 4, 9, 148, 152), семейные знаки, иногда отождествляя их с личными, иногда разделяя их.

Родовые знаки постепенно вытеснялись семейными и личными. Автором выявлены прототипы семейных знамен, отмечены случаи изменения тамг при разделе семей.

Ранние должностные знаки зафиксированы у народов Восточной Сибири. Это «жреческие знаки», знамена, удостоверяющие личность шамана. Должностные знаки, известные у вогулов Пельмского уезда, имели иное значение и появились в связи с развитием здесь (с приходом русских) управленческого аппарата. Это лук (тамга сотника), волнистая и ломаная линии, топор, изображение животного и стилизованный знак «священного дерева». У всех пельмских вогулов, кроме табаринцев, тамги были должностными. Это явление особое, свидетельствующее о сильно развитом административном аппарате. Интересно замечание автора о происхождении должностной тамги сотников верхтургорских вогулов (знак «гребенка»), о связи ее с коллективным трудом на рыбных промыслах (стр. 33). Следовало бы добавить также то, что коллективной была и охота на лося с помощью загоростей, описанная П. С. Палласом в XVIII веке³. В таких изгородях устраивались ловчие ямы, ловушки, самострелы.

Большая группа сакральных знаков выявлена путем анализа документов, удостоверение которых сопровождалось клятвой (присяги, долговые документы и пр.). Они широко применялись обскими уграми. Автор подробно останавливается на характеристике сакральных тамг, их происхождении и связи с религиозными представлениями (стр. 107—119). К работе приложена интересная карта распространения сакральных знаков обских угров (стр. 118). Любопытно, что территория распространения знака

¹ См. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. V, М., 1960.

² В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских угров, «Сов. этнография», 1947, т. VI—VII; его же. Древняя история Нижнего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 35, 1953; его же, Представления о душе у обских угров, «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», М., 1959; его же, Нижнее Приобье в I тыс. н. э., МИА, № 58, 1957.

³ П. С. Паллас, Путешествие по разным местам Российского государства, ч. II, кн. 1, СПб., 1786, стр. 327.

«священная ель» совпадает с территорией распространения так называемых древовидных идолов у обских угров (по археологическим данным), знак «шайтанская рожа», возникший из рисунка личины идола и широко распространенный у финно-угорских народов, появился, вероятно, во времена финно-угорского единства, когда складывались представления финно-угорских народов о едином божестве; знак «скобель» или свастика, также широко распространенный у финно-угорских народов, связан с древними культовыми предметами (усть-полуйская культура на Нижней Оби) и, вероятно, древнее знака «шайтанская рожа».

Особенно детально анализированы в работе тамги обских угров. Собственно говоря, работа в основном им и посвящена (155 страниц текста и таблиц из 217 страниц всей книги). Объясняется это наличием большого количества тамг в архивных материалах по Западной Сибири и крайней скудостью их в материалах по Восточной и Южной Сибири. Тем не менее такая несоразмерность работы бросается в глаза.

Скрупулезный анализ тамг обских угров подытожен в специальном разделе. К разделу приложены две интереснейшие таблицы и одна карта. Одна таблица (стр. 160) дает представление о постепенном развитии обско-угорских знаков, изображающих птиц (филина, орла, журавля, дятла, тетерева, воробья), происходящих от древних птицевидных изображений, являвшихся предметами культа. Развитие их шло по линии все большей и большей стилизации. Другая таблица является сводкой всех типов обско-угорских знаков и прослеживает традицию их написания с XVII по XX в. Карта расселения хантыйских родов в XVII в. (стр. 170) построена на основе фиксации распространения тотемических изображений. Автор определяет границы территорий крупных обско-угорских родов в XVII в. Эта сложная работа проделана довольно убедительно. Лишь часть миграций родов устанавливается априорно.

Работа не лишена некоторых неточностей, противоречий, недомолвок. Остановимся на некоторых из них.

Не всегда убедительны и доказательны утверждения автора о миграциях родовых групп. Наличие одинаковых тамг у различных групп населения уже дает повод автору утверждать, что здесь имела место миграция части того или иного рода (стр. 23, 25, 125, 171—176). Нередко такие утверждения кажутся бездоказательными и неубедительными. В то же время наличие одинаковых тамг у ряда различных групп не объяснено. Например, широкое распространение тамги «лук» у верхоурских, пельмских, туринских вогулов, хантов Ваховской, Казымской, Белогорской, Вендревской, Белвашской волостей, татар Тюменского и Тарского уездов никак не прокомментировано. Не совсем ясен вопрос о тамге «священное дерево», «лиственница» или «ель». В качестве родовой тамги она отмечена во 2-й Лумпокольской волости, в других местах она рассматривается либо как миграция белогорцев (стр. 23, 25), либо как сакральный знак (стр. 28, 48—49), в иных случаях ее характер не анализируется (стр. 20, 102, 105). Это замечание можно распространить и на некоторые другие тамги.

В связи с этим возникает вопрос, могли ли существовать у разных групп обских угров одинаковые тотемы? Могли ли они быть одинаковыми у хантов и манси? Нал: думается, что допущение такого явления вероятно. Это могло быть обусловлено одинаковыми природными условиями, типом хозяйства, общностью происхождения народов и их идеологических представлений, одним и тем же уровнем и характером общественных отношений. Между прочим, автор сам приводит подобные примеры (стр. 37).

В вопросе этнической принадлежности тех или иных групп населения в большинстве случаев автор придерживается точки зрения Б. О. Долгих. Однако в некоторых случаях он этого не делает, но не уточняет и своей позиции. Население Березовского уезда в архивных источниках названо остяками. Однако в XIX в. и сейчас на Сосве и Ляпина живут манси. В работе Б. О. Долгих это оговорено. Автор же данной работы проходит мимо этого вопроса, называя вслед за источниками все население Березовского уезда остяками. Разумеется, сейчас трудно решить вопрос об этнической принадлежности этого населения в XVII в. Однако сделать такую попытку по тамгам было бы интересно. Выделив сосвинские и ляпинские тамги, очевидно, следовало бы проследить их развитие по документам в XVIII и XIX вв. и на этом основании определить их принадлежность к той или иной группе обских угров. Это же замечание относится и к анализу тамг волостей Тобольского уезда — Юконды, заселенной манси, и Малой Конды, где живут ханты. Их тамги одинаковы. В данном случае напрашивается вопрос, были ли у хантов и манси одинаковые тотемы или в те времена население здесь была однородным?

Противоречиво замечание автора на стр. 73 о том, что родовые тамги «имели лишь обские угры некоторых волостей Сургутского уезда, а именно тех, которые составляли один род». Им же самим выявлены родовые тамги у остяков Березовского и Тобольского уездов, вогулов з Табаринской волости Пельмского уезда. Такое же противоречие имеется и на стр. 32, где автор утверждает, что у обских угров XVII в. не было волостных тамг. Волостные тамги приведены им в Туринском уезде (стр. 52), а в Сургутском уезде в волостях, состоящих из одного рода, волостные тамги совпадают с родовыми.

Повисает в воздухе утверждение автора о том, что «по социальному устройству хантов можно разделить на две группы, которые совпадают с фратриальным делением обских угров по В. Н. Чернецову» (стр. 176). Все рассуждения, предшествующие этому утверждению, не доказывают этого. Автор утверждает, что в XVII в. ханты Сургутского уезда отличались большей архаичностью своего жизненного уклада, нежели березовские «остяки». В Березовском уезде наблюдается большая пестрота родового состава, в то время как в Сургутском уезде автором четко выделено несколько стабильных родовых групп. В то же время только в Сургутских тамгах сохранилось изображение «линии жизни» — схемы внутренностей, это действительно архаичное явление. Но это отнюдь не доказывает вышеуказанное заявление автора. Невозможно представить себе, что березовские «остяки» (а вероятно, ханты и манси) составляют одну фратрию, а сургутские остяки — другую.

Что же касается пестроты родового состава березовских «остяков» и стабильности его у сургутских остяков, то здесь дело, очевидно, не только в архаичности общественных отношений сургутских остяков. Вслед за В. Н. Чернецовым автор правильно отмечает (стр. 31) несинхронность развития одних и тех же общественных институтов у разных групп народов Сибири. Но затем он упускает два момента. Во-первых, утверждение, что вогулам был свойствен более ранний распад родового строя, верно относительно вогулов, но относится не ко всем остякам. Автор правильно и обоснованно объясняет это явление тюркским и русским влиянием. Однако он забывает о том, что эти же явления действовали и на некоторые группы остяков (хантов), например, на иртышских хантов.

Во-вторых, крайняя пестрота родовых групп в Березовском уезде может быть объяснена также наличием смешанного населения — хантов и манси, а особенно — значительными передвижениями здесь групп обско-угорского населения. Для Березовского уезда была характерна очень большая подвижность и смешение населения, особенно в последующее время, в XVIII, XIX и XX вв. Объяснялось это, по-видимому, близостью Березова, большой рыбной реки Оби, а также притоком сюда групп ненцев для развития обменных отношений с хантами и манси. В Сургутском уезде подобных передвижек было гораздо меньше. Передвижки отдельных групп в Березовском уезде, естественно, вели к перемешиванию различных родов и родовых групп. В то же время материалы, собранные В. Н. Чернецовым у манси в 1930-е годы, свидетельствуют о большей архаике общественных отношений и религиозных представлений сосвинских и ляпинских манси, чем сургутских хантов в это же время.

Очень интересна табл. 25, содержащая тамги отатарившихся вогулов Туринского уезда. Автор считает их волостными или знаменами юртов. Б. О. Долгих считал волости Туринского уезда родами. Автор рецензируемой работы рассматривает юрт, как территориальную часть рода, семью или союз семей, не документируя достаточно обоснованно этот вывод. Анализ тамг, приводит его также к отрицанию слияния некоторых юсов в отдельные группировки, что было отмечено Б. О. Долгих и В. И. Шунковым⁴. Однако сам же он отмечает, что некоторые юрты слились в 1654 г. (стр. 54). Часть этих слияний совпадает с группировками Б. О. Долгих, часть не совпадает. Автор обходит молчанием этот момент. Вероятно, здесь следовало бы продолжить исследование тамг выйдя за пределы XVII в. и выяснив, действительно ли у туринцев все время сохранялись 11 тамг по числу юртов-волостей, и объединения, отмеченные Б. О. Долгих и В. И. Шунковым, не имели серьезного влияния на развитие общественных отношений туринцев.

Нам кажется, что автор мог бы более определенно говорить об этническом составе населения Туринского уезда на основании анализа тамг. Наличие среди них таких, как изображение журавля, оленя, лисицы, медведя, утки, говорит о присутствии здесь значительного угорского элемента. В то же время знак «плеть» скорей всего говорит о тюркизации населения.

Чрезвычайно интересен пример образования тамги объединившихся юртов Туринского уезда — рогатый журавль (соединение знамен оленя и журавля). Однако в объяснении этого явления допущена неточность — фиксируется объединение племен, тогда как здесь речь может идти в лучшем случае лишь об объединении частей родов (стр. 55).

Не везде четко автор оперирует понятиями «род», «племя». Не всегда ясны его заключения о характере той или иной группировки, сделанные на основе анализа тамг. Не всегда убедителен анализ тамг (табл. 6—3, 5, 24—19 и др.). Нам кажется, что здесь автор не всегда учитывает то, что нередко изображение тамги очень искажалось за счет неумения писать и рисовать. Нельзя согласиться также с отнесением значительной части тамг Белогорской волости (табл. 54) к знаменам сургутских людей. Знамена «солнце» и «месяц» были распространены, кроме Сургутского уезда, еще и в Березовском уезде (Подгородная, Вендеревская, Бдлвашская волости), а знак «лук», кроме Вахов-

⁴ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 35; В. И. Шунков, Ясачные люди в Западной Сибири XVII века, «Советская Азия», 1930, № 3—4, стр. 189.

ской волости (кстати, там он загнут иначе), был распространен повсеместно. Олени, изображенные под № 16—18, не отличаются от тех, которые даны под № 35—37, хотя первые считаются белогорскими знаменами, вторые — сургутскими. В свете вышесказанного становится ясным наличие знамен в виде лука, месяца и солнца в табл. 55 и 56, а утверждение автора на стр. 103, что в Белогорье жили выходцы на Ваховской и Темличевой волостей Сургутского уезда • — оказывается необоснованным.

Неясным остается, почему в Нарымском городке было четыре самостоятельных группы населения, принадлежавших к одному роду. Из текста можно сделать вывод лишь о двух таких группах (стр. 68—69). Неясен вопрос о знамени Ваховской волости, так как в табл. 72 приведены одни луки, об этом же говорится и в тексте (стр. 126), а на стр. 17! обнаруживается, что тамгу «лук» ставили лишь остяки устья Ваха, а остальные ставили тамгу «олень». Подобные неточности и противоречия, вероятно, устранимы, но пока они несколько затрудняют восприятие материала.

Необычайно интересны впервые опубликованные тамги селькупов, кетов и ненцев Нарымского, Кетского, Енисейского и Красноярского уездов, правда, группировки тамг березовских ненцев вызывают сомнения.

Впервые опубликованы знамена различных народов Восточной Сибири. Это знамена различных групп эвенков, юкагиров, бурят, якутов. Значительная часть их принадлежит якутам. Вероятно, автору следовало бы больше подчеркнуть роль русской администрации в унификации этих знамен. Особенно это бросается в глаза в отношении якутов.

Указанные недостатки и неточности не снижают ценности работы и объясняются большей сложностью затронутых в ней проблем, еще слабо изученных в нашей литературе.

В целом работа Ю. Б. Сямченко — самостоятельное серьезное исследование. Для многих ученых она послужит большим подспорьем при решении различного ряда сложных проблем. Эту помощь им окажут как конкретные материалы, так и выводы, сделанные автором, хотя некоторые из них и будут, возможно, в дальнейшем уточнены.

3. Соколова

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ЧУВАШСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ

М. Я. Сироткин. *Чувашский фольклор. Очерк устно-поэтического народного творчества*, Чебоксары. 1965, 132 стр.; И. И. Одюков. *Чувашские народные песни социального протеста и революционной борьбы*, Чебоксары, 1965, 200 стр.

В 1965 г. почти одновременно вышли в свет две новые книги на русском языке, посвященные чувашскому народно-поэтическому творчеству. Одна из них — известного чувашского литературоведа и фольклориста М. Я. Сироткина — представляет собою краткий очерк жанровых форм и видов традиционного чувашского фольклора. Как говорится во вводной издательской заметке, потребность в таком очерке продиктована тем, что при наличии отдельных исследований и публикаций текстов до сих пор не было общего описания и характеристики жанрового состава чувашского народно-поэтического творчества.

Книга открывается кратким вступлением, в котором отмечены ведущие исторические истоки основных мотивов в чувашском фольклоре. Это мотивы, связанные с упорным трудом над освоением природы и ее богатства; переживания, вызванные сперва феодально-крепостническим произволом и гнетом, затем капиталистическими порядками; борьба за освобождение от всех видов внутреннего и иноземного гнета, часто совместно с трудящимися соседних народов — русских, башкир, мари и др.; участие в событиях Великой Октябрьской революции, гражданской войны, социалистического строительства, Великой Отечественной войны.

Далее следуют обзоры основных видов традиционного чувашского фольклора: календарной и семейной обрядовой поэзии, пословиц и поговорок, загадок, сказок различных видов, исторических преданий и песен, бытовой песенной лирики, песен социального протеста. В каждом разделе приводится довольно много образцов соответствующих произведений в русском переводе или параллельно на обоих языках — чувашском и русском. Помимо раскрытия тематики рассматриваемых произведений, их основных мотивов, идейно-художественной направленности, в разделах отмечаются также наиболее характерные черты поэтики анализируемого жанра. Наиболее разработан в этом отношении раздел песен.

Очерк посвящен традиционному фольклору чувашей. О становлении и развитии новых форм чувашского устно-поэтического творчества в условиях советской действительности предполагается дать специальный очерк (см. вводную заметку), но уже некоторые особенности содержания и строения песен советской эпохи намечены в заклю-